

САМЫЕ СТРАШНЫЕ ЧТЕНИЯ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Александр Подольский
Любовь Левшинова
Иван Миронов
Вадим Николаевич Громов
Елена Щетинина
Марина Ильинична Крамская
Валерий Лисицкий
Денис Назаров
Евгения Русинова
Натанариэль Лиат
Оксана Олеговна Заугольная
Анастасия Демишкевич
Анастасия Пушкова
Самые страшные чтения
Серия «Самые страшные чтения»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67769435
Самые страшные чтения: АСТ; М; 2022
ISBN 978-5-17-147889-6

Аннотация

Перед вами – сборник рассказов с самых страшных чтений, прошедших в рамках IV самого страшного фестиваля.

13 авторов, 13 рассказов, 13 самых страшных историй...

О том, почему лучше не ночевать в заброшенных общежитиях и не помогать беззащитным старушкам... О том, чем может закончиться знакомство с родственниками мужа или ночная вылазка в бабушкин подвал... О том, что будет, если разрушить песчаный замок и по чему смеяться опасно для жизни... О том, как Один Мальчик ослеп, у него отвалились уши, а правая рука сторела... О том, каково это – видеть чужие сны и почему Темику очень нужны мамины голубые глазки...

Содержание

Александр Подольский	6
Денис Назаров	10
Вадим Громов	14
Валерий Лисицкий	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Самые страшные чтения

Сборник рассказов

© Авторы, текст, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Александр Подольский

Плесень

Шкет был пьян вдрызг. Он подпирал фонарный столб и пытался прикурить. Ливень тарабанил по немытой голове, по рваному бушлату, заливал сапоги. Норовил смыть с тротуара. Шкет выругался. Окна дома пялились на него, осуждали. Давным-давно, когда у Шкета было нормальное человеческое имя, он жил в этой пятиэтажке. Однако со своими гулянками даже не заметил, как оказался на улице. А теперь его и из родного подъезда вышвырнули.

Ноги еле-еле волочились по дороге, промокшая насквозь одежда камнем тянула вниз. Городское небо перечеркивали молнии, во дворах ревели автосигнализации. Нужно было где-то переночевать, и Шкет вспомнил о «двушке». С тех пор как везде поставили кодовые замки, жить стало тяжелее. Но бывшее военное общежитие никогда не запирали. Шкет знал, что о нем рассказывали, но во время редких ночевок странностей не замечал. Если не считать труп кошки, покрытого толстым слоем плесени.

Свет не горел даже у входа в единственный подъезд. С козырька тянулись дождевые нитки, покрытая копотью дверь висела на одной петле. Шкет прошел внутрь и замер посреди длинного, во все здание, коридора. Слева и справа уходили

в темноту два ряда квартир. Большая часть из них опустела после пожара, но кое-где еще жили. Шкет чувствовал родство со здешними погорельцами, ведь, если они остались в этом склепе, им тоже некуда деваться.

Под ногами шуршали куски каменной плитки, по сторонам фанерные двери соседствовали с темными провалами. Мрак пожрал все лампочки, отправив дом в вечную ночь. Шкет, хватаясь за ржавые перила, поднялся на второй этаж. В дальнем конце коридора, у другой лестницы, мелькнул зеленый огонек. Наверное, кто-то из жильцов. Шкет затих. Не хватало, чтобы его и отсюда выгнали.

Лестница продолжала загибаться крюком, утыкаясь в чердачную дверь. Шкет приземлился на широкой площадке, которая нависала над вторым этажом. Чердак, запертый аж на три замка, его не интересовал. На грязном полу ему было по-королевски комфортно. Он скинул сапоги, постелил промокший бушлат вместо простыни и завалился сверху. Сон вполз в него быстро и разом высосал сознание из продрогшего тела.

Его разбудил звук снизу – то ли кашель, то ли лай. Всюду густел мрак, ветер гудел в щелях старого дома. Пахло плесенью. Шкет привстал и выглянул на лестницу. Этаж исчез, словно здание затопило нефтью. В темноте тут и там вспыхивал зеленый огонек.

Шкет шумно сглотнул. В памяти всплыли разговоры с друзьями. «Плохой это дом, даже зверье чувствует». «Поселилось

там что-то после пожара». «Думаешь, все сгинувшие жильцы переехали?»

Ступенька за ступенькой растворялась лестница на чердак. Шкету стало тяжело дышать. Прогоняя хмель, крепла вонь. Чернильная река поднималась, а вместе с ней что-то еще. Оно на мгновение вынырнуло из укрытия – неправильное, нескладное, огромное.

Пальцы не слушались, но Шкет нащупал зажигалку в кармане. Он вытянул руку вперед и надавил на кнопку.

Щелк.

В маленьком кусочке света Шкет успел разглядеть поросшее мхом лицо. Зажигалка чуть не выпала из руки. Пламени не хватило надолго, и спустя несколько секунд все пространство заволкло тьмой. Лицо было в паре метров от Шкета, а за ним... болотного цвета туловище, вросшее в стены и потолок.

Щелк.

Никого, только юркие тени на осколках пола. Огонь вновь потух, и что-то дернуло Шкета за ноги. Отсчитав копчиком несколько ступенек, он вырвался и стал ломиться в чердачную дверь. Шкет ее не видел, он не видел вообще ничего, словно ему вырвали глаза. А вот запах он чуял, и от него в животе переворачивались внутренности. Сжимая зажигалку, Шкет повернулся к лестнице. Казалось, тьма залезла в каждый кусочек этого здания, в каждую щель, а теперь решила поселиться и в нем. Руки тряслись, зажигалка в ладо-

шке приросла к коже. Шкет нащупал кнопку, но выпустить наружу огонь не хватало духу. Он знал, что увидит в неровном свете; знал, что никогда больше не покинет этот дом. Шкет знал, что прямо сейчас умрет.

В лицо дунула теплая волна гнили, что-то коснулось плеча. Шкет последний раз в жизни поднял зажигалку.

Щелк.

Денис Назаров

Качели

Степан сварил кофе, открыл окно на кухне и с чашкой в руке подошел к настенным часам с кукушкой. Он уже давно не заводил их и правильнее было бы их снять и убрать в кладовку, но он не мог. Они нравились Ане. Она любила их разглядывать. Однажды попросила отца показать, как поет кукушка. Шутила, что хочет спросить у той, сколько ей жить осталось. И сама жутко перепугалась, когда из дверцы выскочила деревянная птичка с жутким неестественным «Ку-Ку!». Аня попросила больше никогда ей этого не показывать, но часы попросила оставить.

Степан протянул руку, дотронулся до минутной стрелки и стал вращать ту в обратную сторону, пока не сделал полный круг. Подумал вдруг, как здорово было бы повернуть время назад. Снова начнет светать, наступит день, затем утро, минует прошлая ночь. И если крутить достаточно долго, то можно докрутить и до прошлого года, до того самого утра...

С улицы донесся скрип качелей.

Степан отвлекся от часов, поставил чашку на стол и подошел к окну. Посмотрел на заснеженный двор. Гирлянды на елке плавно переливались разными цветами. Грудь сдавило и резко стало нечем дышать. Аня всегда любила качаться по

вечерам, какая бы ни была погода. И теперь она там.

Он рванул в прихожую, накинул куртку, торопливо обулся и кинулся вниз по лестнице. Выбежал на площадку.

На качелях никого не было, но они продолжали покачиваться.

– Аня! – нерешительно позвал Степан, осматриваясь. Дочери нигде не было.

Поспешил через арку в соседний двор и оказался в своем же дворе. Замер на месте и растерянно оглянулся. В арке за спиной стояла непроглядная тьма. Холод коснулся затылка, забрался под куртку. Дрожь пробежала по телу. Скрипнули качели.

Развернулся и посмотрел на площадку. Качели высоко подлетали, и девушка на них тихо посмеивалась.

– Аня!

Степан бросился к ней, но вдруг ноги стали ватными, как во сне. Подвели. Мужчина повалился на мягкое покрытие площадки, скользя ладонями по снегу. Задрал голову. Аня. Точно она. Вот ее бледное лицо, непослушные темные волосы, выбивающиеся из-под белой шапки, вечно хитрая улыбка, будто дочь что-то замышляет. И ведь замышляла...

Стало невероятно холодно. Степана затрясло. Что-то схватило его за плечи и ноги и резко потянуло назад, прочь от площадки.

– Нет! – закричал Степан, пытаясь удержаться руками, но ладони предательски скользили по снегу. Он пытался повер-

нуться на спину, но ему не удавалось. Цепкие лапы держали крепко, а кожу даже через одежду обжигал холод.

Его утанули в темноту арки, и что-то тяжелое резко навалилось сверху, выбивая из легких воздух. Над головой раздался жуткий вопль и повторился эхом под сводами арки, а затем Степана отпустили. Он вскочил на ноги, вытянул руки, пытаясь нащупать хоть что-нибудь в густой тьме, но хватал лишь пустоту.

– Папа! – раздалось за спиной.

Резко обернулся, дрожа от невыносимого холода, и посмотрел на освещенный желтыми фонарями двор. Вошел в него и взглянул на площадку. Качели стояли на месте, и никого на них не было.

Поднялся домой. Пахло чем-то приторным, сырым, испорченным. У зеркала висело фото улыбающейся Ани в шапке Деда Мороза. Год назад они веселились, гуляли, дарили подарки, смотрели на фейерверки и дурачились. А второго января Аня убила себя, убила его дочь, перечеркнув все это, оставив лишь глупую записку, которая ничего не объясняла.

Заметив что-то белое на кухонном столе, вошел в кухню. Вонь усилилась. На столе лежал знакомый листочек в клетку с аккуратно выведенными прощальными словами. Их Степан читал уже сотни раз. В чашке с остатками кофе виднелись пятна плесени.

Взглянул на часы и прошептал:

– Сколько мне жить осталось?

– Ку...

Вздрогнул и повернулся на голос. В кухню вошла заспанная Аня в своей любимой пижаме с пони. Живая, настоящая. Она подошла к отцу и крепко обняла его, забравшись руками под куртку. Холод обжег спину.

– Куда ты ходил? – спросила она.

Степан крепче обнял ледяное тело дочери и вдохнул запах ее волос. Они пахли сырой землей и кровью.

С улицы донесся скрип качелей. Стрелки на часах за спиной с тихим хрустом сдвинулись с места, но Степан не знал, в какую сторону.

Вадим Громов

Доброе дело

От ублюдочной улыбки безногого Зимину хотелось блевать и убивать одновременно. Мог бы вцепиться зубами в тощую, кадыкастую шею – не раздумывал бы. Очень жаль, что не мог.

– Видишь, Антошка, бывает и хуже, – старуха, мразь, ласково погладила инвалида по редким волосам, чмокнула в небритую щеку. – У тебя только с ногами напасть, а у него, бедолаги, еще и руки, и уха нет. Жизнь, гадина, такая...

Лежащий на облезлом дощатом полу Зимин скрипнул зубами, вспомнив, как умоляюще она смотрела на него три дня назад, на улице, размазывая слезы по худому благообразному лицу: «Поговорите с ним! Да, не повезло ему, но ведь и без ног живут-поживают. Христом Богом прошу, он намерен нож себе в сердце хотел воткнуть, насилу отобрала! Это ж недолго, доброе дело-то сделать... Меня и брата слышать не хочет, так может, вы вразумите».

Потом был недолгий путь до старого, но крепкого дома с большим, отчасти пришедшим в запустение участком. Хмурый, глуповатый взгляд габаритного, лысого толстяка – второго сына старухи. Сидящий на тесноватой кухне безногий – лет сорока, похожий на актера Трибунцева, – коротко кив-

нувший при виде Зимина. И – удар по голове, сзади. Беспмятство...

Очнулся он, надежно привязанный к верстаку в сарае, когда толстяк прижег отрубленную чуть выше колена ногу нагретым мастерком. Через несколько минут точный и сильный удар топора оставил Зимина без второй ноги. Ухо отрезали чуть позже, а правую руку – спустя день. Старуха умело останавливала кровь и обрабатывала раны, монотонно бормоча о своей многолетней работе в хирургии, а Зимин люто жалел, что не может дотянуться до топора и раскроить ей череп. Сгодились бы гвоздь или отвертка в глаз, но толстяк неотвязно был рядом, начеку, как сторожевая собака – не даст ни единого шанса...

Сейчас Зимину хотелось выть и орать матом, но вместо этого он хрипло сказал:

– Отпустите меня.

Безногий заулыбался еще шире, показывая крупные карисные зубы.

– Отпустим, мать? Мне, вроде как, полегчало...

– Сынка, точно? – встрепенулась старуха.

– Да не, шучу, – хохотнул он. Почесал бровь и велел стоящему сбоку от Зимина брату: – Васька, завтра не всю руку, а только кисть оттяпаешь. Понял?

– Ага, – тот послушно кивнул и наступил на лицо Зимину, прерывая зарождающийся крик. Потом убрал ногу и ловко впихнул в рот тряпичный кляп, сгреб Зимина за руку и по-

перек туловища, потащил в сарай. Судя по сноровке, Зимин был у него не первым. Далеко не первым...

Через пять дней у Зимина остался лишь торс и голова – без ушей, носа и левого глаза. Большую часть суток он проводил в сарае, а вечером его приносили к безногому, и тот смотрел на него – долго, с отчетливым превосходством в глазах цвета жидкого чая. Он всегда молчал, курил, шурился и улыбался. Зимин хотел умереть еще после того, как лишился второй кисти, но смерть не спешила приходить.

– Мать, все... – наконец процедил безногий, туша окур-
рок. – Отлегло. Убирайте. Только не стряпай из него ничего – одни жилы. Разве что, – он махнул рукой в сторону брата, – Ваську можешь мозгами подкормить – своих мало, хоть чужих полопает... В следующий раз кого помоложе и помясистей выбирай, вроде того, лопоухого.

– Как скажешь, Антошка, – мелко закивала старуха. Потом наклонилась к Зимину, улыбаясь широко, искренне. – Видишь – сделал доброе дело-то... Василечек, пошли.

Толстяк унес Зимина в сарай, положил на верстак, потянулся за топором.

– Ты на нас не серчай, – скорбно вздохнула старуха. – Жизнь – гадина, такая...

Она поджала губы, глядя на Зимина. В ее взгляде не было и намека на раскаяние или сочувствие, только подобие озабоченности. Наверное, о том, как быстро получится заманить сюда еще одного отзывчивого к чужой беде.

Толстяк поднял топор, примериваясь к шее Зимина. Старуха вздохнула:

– Куда тебе теперь такому-то, без всего, горе мыкать?
А Василечек – раз, и все. Доброе...

Топор отрубил голову с одного удара.

– ...дело сделает.

Валерий Лисицкий

Истина

Деревенская родня Олега оказалась совсем не страшной. Ира даже засомневалась, что приехала в нужную деревню. Вдруг перепутала повороты и оказалась у каких-то радушных незнакомцев? Но нет, пожелтевшие фотографии, развешанные по побеленным стенам, говорили об обратном: Олег, совсем маленький, с мамой, Олег, чуть подросший, с папой... Щекастый карапуз, ухоженный и счастливый.

И это именно те люди, которых он называл жестокими и дремучими? Вот эта бабушка, которая веселой курочкой-наседкой снует по комнате, квохча над Ирой и их с Олегом сыном – жестокий человек? Или дед, только посмеивающийся, когда внук хватал его за густую окладистую бороду? И как можно было лишать Андрюшку общения с ними!

Телефон пиликнул, на экране появилось сообщение от мужа: «Вы где?!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.